

Сатору Годжо казалось, что всю эту картину он уже где-то видел.

Дежавю, не иначе.

Он задумчиво подпёр подбородок кулаком, пока совсем рядом раздавался слабый, прерывистый стон.

Прямо под его ногой извивался тёмный силуэт.

Мальчик небрежно ткнул живую тень носком ботинка:

— Эй, мусор, потише там.

Удар вышел едва заметным — Сатору даже силу не прикладывал, — но распластанный на полу человек затрепетал от ужаса. Он сжался в жалкий комок, боясь издать хоть звук.

«Когда же это было? — Сатору силился воскресить в памяти стёртые фрагменты. — В голове крутится какой-то нелепый образ: ядовито-зелёные волосы, бледная кожа и растянутые в безумной улыбке алые губы. Одно воспоминание о нём вызывает лишь глухое раздражение. Кажется, тогда всё происходило точно так же?»

По ту сторону камеры видеонаблюдения Найтвинг чувствовал, как у него подёргивается глаз.

Некоторых людей жизнь ничему не учит. Сатору Годжо из их числа: где бы он ни рос, в какие бы времена ни попал, его несносный характер оставался абсолютно неизменным.

На экране монитора три фигуры застыли в вершинах незримого треугольника. Бэтмен занял позицию ближе всех к мальчику. Его тело было напряжено, словно натянутая тетива — Тёмный Рыцарь в любую секунду готов был рвануть вперёд и перехватить ребёнка.

В отличие от застывших каменными изваяниями напарников, Годжо откровенно скучал. Он лениво покачивал ногой, выстукивая носком ботинка незамысловатый ритм, подпирал подбородок свободной ладонью и задумчиво жмурился.

Сама по себе эта картина вряд ли заставила бы летучих мышей так нервничать. Всё дело было во второй руке мальчишки: он мёртвой хваткой вцепился в горло Человека-тени. Несчастный Грис извивался, пытался вырваться, царапал детские пальцы и даже пробовал провалиться сквозь текстуры пола обратно во мрак — тщетно. Хватка была железной.

Эта сцена до боли напоминала Найтвингу недавнее прошлое. Замени Гриса кем-нибудь другим — и Готэм получил бы повторение того легендарного представления, которое в Бэтпещере окрестили не иначе как «Сатору Годжо вырывает башку Джокеру с корнем».

Почувствовав на себе тяжёлые взгляды, Сатору безразлично пожал плечами и разжал пальцы. Грис мешком рухнул на пол.

Обретя свободу, Человек-тень резво пополз назад. Он спрятался за широкую спину Бэтмена и, отчаянно дрожа, указал пальцем на стоящего в нескольких шагах ребёнка.

— Он... он чуть не убил меня! Бэтмен, ты же сам говорил, что в этом городе никого нельзя убивать! Арестуй его! Живо запри этого монстра!

В этот момент загнанный в угол мерзавец напрочь позабыл о страхе перед Тёмным Рыцарем. Он мёртвой хваткой вцепился в край его тяжёлого плаща, умоляя о защите.

— Да сдался ты мне, убивать тебя ещё, — лениво отозвался Сатору, подбрасывая на ладони леденец.

Бэтмен одарил мальчика долгим, нечитаемым взглядом, после чего резким движением вырвал свой плащ из рук Гриса и вздёрнул преступника за шкурку.

— Он мой Робин, — глухо произнёс Бэтмен. Его тяжёлый взор обратился на съёжившегося преступника. — Я знаю, кто он такой, знаю его суть и то, на что он способен. И уж точно не тебе судить о его намерениях.

Сатору опешил на секунду, а затем звонко, заливисто рассмеялся.

Где-то глубоко в сознании с хрустальным звоном дала трещину невидимая преграда.

«Ну вот, а я что говорил? — самодовольно зазвенел в голове его собственный, гораздо более взрослый голос. — Это же мой выбор. Каким бы я ни стал, в какие бы передрыги ни попадал, эти ребята мне всё равно чертовски нравятся».

Оковы, удерживавшие его память, ослабли ещё на долю звена.

Пока Бэтмен и Красный Робин спеленавали пленника высокопрочным кабелем, Сатору и след простыл.

Когда они обернулись, на месте, где только что стоял мальчик, гулял лишь холодный ветер.

— Куда он делся? — Тим растерянно моргнул.

— И не надоело тебе караулить в темноте? — лениво протянул Сатору.

Он стоял, прислонившись к косяку двери, и сонно зевал — детское тело требовало отдыха гораздо чаще, чем хотелось бы. На его глазах в ночном небе промелькнули два тёмных силуэта, уносивших с собой бесформенный тюк.

Из глубоких теней медленно выступила фигура, освещённая блёклым сиянием луны.

Кенто Нанами убрал свой обмотанный тканью тупой тесак и привычным движением поправил узел галстука. На его лице не отразилось ни тени смущения от того, что его обнаружили.

— Это обязанность взрослого, — ровным, глуховатым голосом ответил Нанами. — К тебе вернулась память?

Сатору поднял глаза к небу. Облака разошлись, и полная луна залила крыши холодным серебряным светом.

— Не совсем, — спокойно ответил он, переводя взгляд на Нанами. — Но эти ребята... они не похожи на наших старых мандаринов.

Нанами тихо вздохнул. Сделав шаг вперёд, он протянул мальчику завёрнутое в салфетку сладкое дайфуку.

— В таком случае продолжай искать.

Сатору озадаченно посмотрел вслед неторопливо уходящему магу.

Вдруг сверху бесшумно спланировал Найтвинг.

— Чего не спим? Пора домой, мелкий.

Дик проследил за взглядом мальчика, но увидел лишь глухую темноту пустого переулка.

— Там кто-то есть?

— Никого, — Сатору качнул головой и первым зашагал к выходу. — Идём. Всё закончилось.

Дело было закрыто, но последствия этой трагедии ещё долго будут отзываться болью.

Пять семей пали жертвами безжалостного убийцы. Из всех выжила лишь маленькая Мина, которую они успели спасти прошлой ночью.

Все похищенные реликвии Грис успел сбыть перекупщикам, а вырученные деньги — спустить до последнего цента. Родственникам погибших, раздавленным горем, не стоило надеяться даже на базовую материальную компенсацию.

В допросных Готэмского департамента полиции гремели яростные споры, а в залах ожидания стоял непрекращающийся плач.

В Готэме не было смертной казни. Самое большее, что грозило Грису, — это пожизненное в Блэкгейте. Но, зная дырявую готэмскую систему безопасности, этот ублюдок при первом же бунте сбежал бы на волю. В конце концов, власть над теньями — идеальный инструмент для побега.

— «Уэйн Энтерпрайзис» возьмет на себя часть финансовых расходов и выплатит компенсации, — пообещал Тим Дрейк, сидевший в кабинете для примирения сторон. Как действующий глава корпорации, он был обязан лично уладить вопрос с кражей имущества Уэйнов.

Но это было каплей в море.

Если даже Джокер уходил от высшей меры, то чего ждать в деле какого-то Гриса?

Пока вокруг шумели и спорили взрослые, маленькая Мина сидела неподвижно в глубоком кресле, раз за разом поглаживая своего крупного рыжего кота. Животное, словно чувствуя глубокую скорбь хозяйки, тихо устроилось на её коленях и преданно слизывало капающие слёзы шершавым розовым языком.

Сатору подошёл ближе.

Девочка казалась абсолютно отрешённой, её лицо превратилось в застывшую маску.

Офицеры шептались, что сначала она кричала навзрыд, заходясь в истерике. Но потом эмоции просто иссякли. Она затихла, перестав плакать, просить о чём-либо, отказываясь от еды и воды.

Мина лишь безучастно провожала взглядом каждого проходившего мимо полицейского.

Люди не решались подходить к ней. Никто не знал, что сказать ребёнку, в одночасье потерявшему всё. Оставить её одну в этом холодном мире казалось верхом жестокости.

Сатору остановился перед ней. Он молчал. Сквозь призму Шести Глаз он видел линии её

судьбы, бушующие в ней потоки горя, но не произносил ни слова. Его лицо оставалось бесстрастным.

И вдруг плотину прорвало. Глаза Мины снова наполнились слезами. Она рванулась вперёд, крепко обняла Сатору за шею и разрыдалась — громко, отчаянно.

— Мама... папа... — захлебываясь слезами, шептала она. Тёмная, удушливая скорбь мешала ей дышать. — Они ведь больше не вернутся, да?..

Из-за детского роста Сатору пришлось опуститься на одно колено. Он замер в нерешительности, держа ладони в паре сантиметров от её вздрагивающей спины, так и не решаясь обнять её в ответ.

В комнате мгновенно воцарилась гробовая тишина. Споры взрослых утихли, уступив место этому надрывному, детскому плачу, который глухим эхом отдавался от голых стен.

Секунда, другая, третья...

Обида, ярость, безысходность — мириады крупниц чужого негатива стали стягиваться в одну точку, закручиваясь в невидимый для обычных людей вихрь. Смерть близких, страх перед лицом гибели и отчаяние подпитывали этот зарождающийся очаг.

Сатору сквозь толпу отчётливо видел, как в воздухе начинает сгущаться проклятая энергия.

Щёлк.

Дверь тихо приоткрылась.

Вошедший в комнату Тёмный Рыцарь на мгновение замер на пороге, но тут же бесшумно скользнул вперёд и встал рядом с Сатору.

Бэтмен долго смотрел на плачущую навзрыд девочку. Затем он медленно опустился на колено и осторожно, удивительно мягко коснулся ладонью её растрёпанных волос.

Бэт-когти в этот миг казались самыми безопасными вещами на свете, даря сироте хрупкое чувство защиты.

Поднявшись, он передал детективу папку с собранными доказательствами. Из всех улик всплыла одна важная деталь: один из погибших был убит за пределами Готэма, да и сам Грис не числился местным жителем. Эта юридическая зацепка позволяла обойти законы штата и передать дело федералам. Экстрадиция гарантировала совершенно иной исход.

— Значит... — пожилая женщина неверяще прикрыла рот ладонью и бессильно прислонилась к плечу своего мужа, заливаясь слезами облегчения.

Бэтмен коротко кивнул. Его низкий, рокошущий голос перекрыл тихий плач в комнате:

— Его ждёт смертный приговор.

Справедливость восторжествовала. Для этой кошмарной трагедии исход оказался максимально утешительным, насколько это вообще было возможно.

«Хотя мертвецам уже всё равно, — отрешённо подумал Сатору. — Что бы мы ни делали здесь, они этого не увидят. Покой обретают лишь те, кто остался в живых».

— Не будь таким циником, — раздался тихий женский голос, и тёплая ладонь мягко легла на плечо Сатору.

Рядом с ним опустилась на корточки госпожа Уидис. Она с грустной улыбкой посмотрела на мальчика:

— Ты абсолютно прав. То, что ты говоришь — чистая правда. Но живым нужно утешение. Иначе как им найти силы, чтобы пережить весь этот кошмар и двигаться дальше? Справедливое наказание — это не просто месть. Это ориентир для тех, кто остался, и грозное предупреждение для тех, кто готов поддаться жадности и переступить черту.

От Уидис исходил тонкий, едва уловимый аромат ванильного крема. Сатору принюхался. Этот запах показался ему до боли знакомым.

— Уидис, — негромко позвал её Бэтмен.

Она кивнула и поспешно подошла к комиссару Гордону, украдкой указав на сироту:

— Вы ведь говорили, что у малышки никого не осталось? Её родители выросли в приюте и не имели родственников, способных взять опеку?

Офицер подтвердил её слова кивком.

Бэтмен посмотрел на госпожу Уидис с некоторой долей сомнения.

Женщина лишь мягко отмахнулась, с улыбкой глядя на героя, которым восхищалась долгие годы:

— Я приняла это решение осознанно. Да и годы уже поджигают, пора подумать о семье. Я сама выросла в детском доме и знаю, каково это. Если я смогу подарить этой девочке дом и тепло, которое когда-то получила сама, я буду счастлива. Мы с мужем уже всё обсудили. Мы готовы оформить опеку над ней. Разумеется, если она сама захочет пойти с нами.

За годы, проведённые в Готэме, её давний возлюбленный успел примерить статус законного супруга.

Пока взрослые улаживали формальности с документами, Сатору молча наблюдал за происходящим. Госпожа Уидис вновь подошла к ним.

Она мягко опустилась перед девочкой на колени и протянула к ней открытые ладони. Женщина не торопила её. Её голос звучал тихо и убаюкивающе:

— Мина... Тебя ведь зовут Мина, верно?

Малышка шмыгнула носом и медленно подняла заплаканное личико. Из-за пережитого кошмарного потрясения её некогда аккуратные золотистые локоны превратились в спутавшееся гнездо, а щёки покраснели от непрекращающихся слёз.

— Позволишь мне стать твоей новой семьёй? — Уидис слегка склонила голову набок, её руки оставались открытыми для объятий.

Мина не шевелилась. Она по-прежнему испуганно жалась к Сатору. Но госпожа Уидис не торопила её. Она терпеливо ждала, сохраняя зрительный контакт на одном уровне.

Наконец, пальцы девочки медленно разжались, отпуская куртку Сатору.

— Иди, — тихо произнёс мальчик, мягко подтолкнув её ладонью в спину.

Мина сделала несмелый шаг навстречу новой жизни и через секунду доверчиво прильнула к груди госпожи Уидис. Женщина крепко прижала её к себе.

— И зови меня старшей сестрой, малявка, — шепнула Уидис, воспользовавшись моментом, чтобы хорошенько взъерошить мягкую белоснежную макушку Сатору.

Мальчик лишь фыркнул, провожая взглядом удаляющуюся пару. Когда дверь за ними закрылась, он медленно поднялся на ноги.

Сгустившиеся в помещении миазмы горя и отчаяния наконец достигли критической точки. Проклятый дух начал проявляться, обретая омерзительную плоть.

Судя по всему, родился Проклятый дух второго ранга.

Для величайшего мага-заклинателя это было пустяком, но детское тело накладывало свои ограничения. К тому же кругом кишели обычные люди. Расправиться с тварью быстро и без лишнего шума в такой тесноте было задачей не из лёгких.

«Какая морока», — недовольно поморщился Сатору.

Раздался едва слышный скрежет кевларовых пластин. Чёрная тень скользнула мимо Сатору, едва не задев его острыми наручами.

Бэтмен застыл у дверей, словно ожидая кого-то.

Спустя полминуты в коридоре раздались торопливые шаги, и в комнату, тяжело дыша, ворвался комиссар Гордон.

— Бэтмен! Зачем такая спешка? — выдохнул он, поправляя очки.

— Уведи отсюда гражданских. Освободи комнату. Полностью.

— И это всё?

— Всё.

Гордон устало уставился на Тёмного Рыцаря. Он всерьёз начал подозревать, что с годами привычка этого парня изъясняться загадками и обрывочными приказами перерастает в терминальную стадию.

<http://bllate.org/book/19544/2004498>